

УРАЛО-ПОВОЛЖСКИЙ КОНТЕКСТ ГЕНЕЗИСА ЛУЧЕВЫХ ГОЛОВНЫХ КОЛЕЦ

В статье рассматривается происхождение элементов лучевых височных колец (серег), распространившихся в нескольких племенных союзах восточных славян на территории Урало-Поволжского региона. Генезис волынцевского пласта древностей в верхнем Поднепровье, Посеймье и верхнем Поочье, в том числе и ранних форм лучевых височных колец, можно связать с именковской и кушнаренковской культурами Урало-Поволжья. Волынцевские древности сменяют пастырские, не будучи с ними генетически связаны и не сосуществуя. Авторы предполагают, что имела место быстрая смена военизированной этнической страты, осуществлявшей от имени Хазарского каганата контроль над местным славянским населением. После разрыва с каганатом эта группа населения продвигается на Оку, где восстанавливает прямую связь со Средним Поволжьем – своей прародиной. Это отмечается новым культурным импульсом, приведшим, с одной стороны, к формированию завершённых форм лучевых височных колец, а с другой стороны, к появлению на некоторых их типах финно-угорских орнитоморфных элементов.

Ключевые слова: лучевые височные кольца, генезис, волынцевская культура, именковская культура, роменская культура, хазары, болгары, раннее средневековье.

Тема генезиса и эволюции лучевых (включая лопастные и так называемые «деснинские») височных колец уже более ста лет привлекает внимание исследователей [Григорьев, 2000, 3005, 2010; Левашева, 1967; Сизов, 1895; Спицын, 1896; Шинаков, 1980, 1995, 2018; Шинаков, Чубур, 2017]. Однако все типологические построения имели эмпирический характер, и лишь предложенная сорок лет назад Е. А. Шинаковым классификация [Шинаков, 1980] – пока единственная, основанная на статистико-комбинаторных методах. Хотя после ее создания количество известных лучевых колец выросло в два с лишним раза, сделанные выводы находят только новые подтверждения [Григорьев, 2010, Шинаков, 1995].

Что касается происхождения лучевых колец, то речь обыкновенно ведется о «восточной» (арабской) гипотезе, известной уже более ста лет [Сизов, 1895] или западнославянской, моравской гипотезе, впервые постулированной полвека назад

[Левашева, 1968]. Однако до совсем недавнего времени практически не акцентировалось внимание на версии происхождения элементов этих изделий в Урало-Поволжском регионе.

Между тем именно с этим регионом ряд специалистов увязывает происхождение так называемого «пласта волынцевских древностей». Генезис их, по мнению ряда исследователей, частично основан на кушнаренковско-караякуповском компоненте Именковской культуры Среднего Поволжья, который В. В. Седов понимает как славянский с иранскими элементами [Седов, 2002, с. 50–90], О. А. Щеглова называет «именковско-раннеболгарским» [Щеглова, 1987, с. 82–83; 1988], а В. В. Приймак, обращая внимание и на «кушнаренковский» элемент [Приймак, 1994], считает его бывшим кочевническим угорским («прамадьярским»).

О. А. Щеглова предложила отнести к волынцевской культуре набор украшений типа

Фативижского клада [Щеглова, 1988]. Среди них в плане «перспектив развития» наиболее важны «серебряные серьги с длинной литой привеской» [Щеглова, Обломский, Гавритухин, 1996, с. 134], имеющие аналоги не только в Битице, но и в Среднем Посемье и даже в Гнездове. Представляется обоснованной датировка выпадения клада второй половиной VIII–IX вв. [Григорьев 2000, с. 21], что не противоречит датировке не ранее середины VIII в. по О. А. Щегловой.

За пределами Северского региона и Гнездова серьги точных аналогов не имеют, что говорит о выработке их формы именно здесь, у волынцев-

ского населения. Однако схожие по отдельным элементам изделия широко представлены в финно-угорских и тюркских материалах Приуралья. В IX в. эти серьги исчезают в Северских землях. В то же время они считаются одними из гносеологических «прародителей» лучевых серег, представленных в среднероменских материалах Новотроицкого городища и Верхней Оки [Григорьев, 2000, рис. 44; Шинаков, 2011, рис. 2].

Важно отметить сходство серег с виноградо-видными зерненными привесками, происходящими из Ломоватовской культуры (Рис. 1: 1–5, 8–15) [Голдина, 1985] и представленных во II этапе

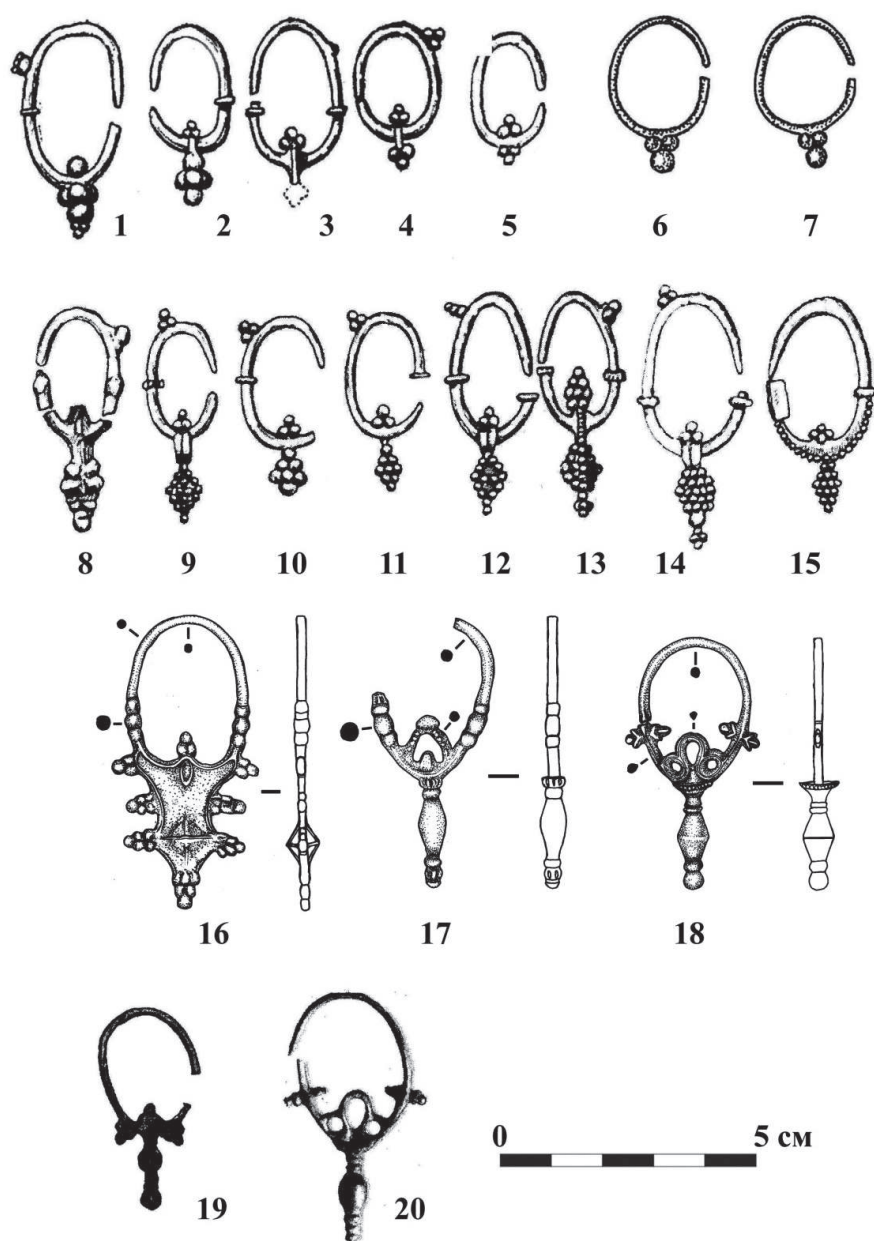

Рис. 1. Подвески фативижского типа с Урала и Поднепровья

I. Подвески типа II.1.1–5 – Верхнее Прикамье, Ломоватовская культура (по Р. Голдиной, 1985, табл. II); 6, 7 – Пастырское городище в Среднем Поднепровье, Украина (по М. Казанскому, 2014, рис. 24).

II. Гроздевидные подвески с округло-биконическим лучом. 8–15 – могильники Ломоватовской культуры Верхнего Прикамья (по Р. Голдиной, 1985, табл. II); 16–18 – Фативижский (Фотовижский) клад, Глуховский район Сумской области, Украина (по А. Комару, М. Стрельник, 2011); 19 – Рыльский район Курской области, Посемье, Россия (по А. Шпилеву, 2009, рис. 1); 20 – Битицкое городище, р. Псел, Сумская обл., Украина (по А. Шпилеву, 2009, рис. 1)

Караякуповской с серьгами фативижского типа во-лынцевского круга древностей (Рис. 1: 6, 7, 16–20). На этот раз хронологически, но не типологически, более древние серьги-привески присутствуют именно в Среднем Поднепровье (Фативижский клад, Битицкое городище) [Комар, Стрельник, 2011]. Наиболее обоснованное время появления вещей фативижского круга, включая и особый тип гроздевидных привесок с волютообразным элементом внутри кольца, по О. А. Щегловой – вторая четверть – середина VIII в. н.э. [Щеглова, 1996, с. 135]. Возможно, «носителями» этих серег были представители круга военной элиты, переселенные правительством Каганата после окончания войн с арабами в 735–737 гг. сначала на Кавказ, а оттуда во второй половине VIII в. на вновь подчиненные славянские земли с целью замены там предшествующей элиты – «носителей» серег со звездчатыми привесками пастырского типа [Шинаков, Чубур, 2018]. На среднем Сейме (Рыльский район) встречены как грубый дериват (отливка с оттиска без проработки деталей) (Рис. 1: 19) с одного из фативижско-битицких вариантов, так и более качественное изделие, более оригинальное по форме, с зарождающимися тремя лучами разной длины, развитие того же типа в сторону упрощения, напоминающее одно из колец Фативижского клада (Рис. 1: 20) [Шпилев, 2009, рис. 1].

Заметим, что характерные пирамидки из зерни завершали лучи драгоценных многолучевых колтов с цветными вставками, служившими, вероятно, опознавательными знаками не просто знати, а правящих или претендовавших на власть родов Западно-Тюркского каганата. Среди них наиболее напоминает будущие лучевые височные кольца десятилучевая височная подвеска из Алая (Киргизия) [Амброз, 1981, с. 99, рис. 10:14], где находились родовые владения племенного объединения Нушиби, в состав которого входили роды Ашина и, чуть севернее, в Семиречье, Дулу [Могильников, 1981, с. 29]. Традиции изготовления таких многолучевых подвесок сохранились в Средней Азии и после ухода на запад обоих родов, закрепивших власть над хазарами и болгарями. В этнографических материалах XIX–XX вв. (скорее более ранних, ибо украшения передаются по наследству несколько поколений) Таджикистана и Самарканда встречены многолучевые (в том числе семилучевые) височные кольца типа «кашгари» и «махак», выполненные в тонкой филигранной технике

[Чвырь, 1977, табл. 5: 5–7; Шинаков, Чубур, 2017; Шинаков, 2018, с. 342].

Середина – вторая половина VIII в. – период значительных этнокультурных перемен в Среднем Поднепровье. Он связан с хазарской экспансией на север после окончания войн с мусульманами в 735–737 гг. и урегулирования отношений с Византией в Крыму. Укрепление позиций в северном тылу Каганата – славянских и финно-угорских землях – стало естественным. Единственным геополитическим соперником здесь могли быть остатки «Великой Болгарии» в Среднем Поднепровье, отражаемые пастырским кругом древностей.

Учитывая, что волынцевские древности всюду сменяют пастырские, не будучи их преемниками и не сосуществуя, можно предположить, что мы наблюдаем быструю культурную и социально-потестарную смену. В самом северном из известных гнезд поселений с материалами пастырского типа под Севском, где они делят территорию с сахновскими славянскими поселениями, пастырский компонент был заменен на волынцевский при сохранении славянского компонента. Ключ к пониманию сущности волынцевской общности в том, что она отчасти в социально-потестарном, и, в какой-то степени, территориальном аспекте пришла на смену общности пастырской. Потестарно-экономическая «столица» Битица заняла «место аналогичное тому, которое Пастырское городище занимало среди пеньковских памятников» [Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989, с. 104]. Отсутствие между этими общностями хронологической лакуны заставляет полагать, что одна была уничтожена и полностью заменена другой. С учетом точки зрения, что Битица была северо-западным форпостом Хазарского каганата, за Пастырским можно признать ту же роль для другого потестарного образования. В VIII в. это могла быть лишь Великая Болгария хана Кабрата, а артефакты этой культуры имеют гетерогенный генезис [Комар, 2007; Казанский, 2014, с. 66–71], но изготовлялись в Поднепровье.

Для определения этноса носителей волынцевских древностей следует, опираясь на признаки материальной культуры, учитывать, что он должен был отличаться и от «пастырского», и от славянского, дабы осуществлять контроль над последним от имени Каганата. Переселение одной группы населения для контроля над другой – обычная практика империй, и Византии, и Тюркского каганата,

чьим опытом могли пользоваться и хазары. Группа для указанной цели должна быть военизированной и иметь высокий уровень самоконтроля и внутренней дисциплины, но при этом зависеть от имперского правительства. Наконец, это должно было быть население, привыкшее к оседлому образу жизни, или переходящее к нему. В идеале это бывшие кочевники с сохранившейся семейно-родовой и военной организацией.

В этой связи наиболее плодотворна гипотеза В. В. Приймака, который развивает именьковскую теорию происхождения Волынцево [Приймак, 1994, с. 11], выдвинутую А. П. Смирновым [Смирнов, 1962] и поддержанную А. Х. Халиковым [Халиков, 1986, с. 83], в «именьковско-раннеболгарском» варианте. О. А. Щеглова [Щеглова, 1987] добавила к ней бывший кочевнический угорский «кушнаренокский» элемент. Это существенно, ибо именьковцы все же оседлые земледельцы [Старостин, 1986].

Можно предположить причину перемещения части именьковско-кушнаренокского населения. После похода Мервана в 735 г., разгрома войск кагана у Самарской Луки и последующего отхода арабских войск за Кавказский хребет, это население могло быть переселено на юг для укрепления кавказской границы Каганата. Но когда стало очевидным, что мусульманская экспансия сменила вектор с северного на восточный (китайский – сражение под Таласом, 751 г.), для каганата главным стало закрепление владычества на славянских землях, куда и переселили носителей уже волынцевской традиции, впитавшей алано-кавказские элементы. По мнению В. С. Аксенова, практика кремации покойных появляется в салтовских древностях Северского Донца (их носители, вероятно, и есть непосредственный источник переселения носителей волынцевских древностей), Кубано-Черноморском регионе, а сам обряд в Подонцовье характерен для социальной верхушки салтовского войска [Аксенов, 2005, с. 226–227].

Самосознание всего юго-востока славянского мира связывалось с этой социально-ранговой группой или стратой с особым этническим происхождением. Похоже, происхождение волынцевских древностей и лучевых височных колец (серег) взаимосвязано. При этом их материальные и ментальные прототипы VII–VIII вв. распространены много шире границ не только волынцевских древностей и роменской культуры, но и в целом

юга восточнославянского мира [Григорьев, 2000, с. 122–130, рис. 44, 46].

Носители волынцевских традиций, составляя часть населения крупных крепостей типа Битицы, чувствовали себя в Северной земле элитой, но не завоевателями, свободно проживая чересполосно со славянами, носителями роменской культуры, в неукрепленных поселениях. Этот период длился с середины VIII до начала IX в., когда волынцевская страта находилась на «государственном обеспечении», и в немногих ремесленных центрах специально для них изготавливали чернолощеную нарядную посуду и, вероятно, поставляли оружейное снаряжение, дабы не отвлекать от военно-административных обязанностей. Он завершился с регионально-гражданскими войнами в Каганате. В IX в. носители волынцевских традиций, лишившись «господдержки», должны были перестраивать отношения с региональной элитой, составляя ее часть, но сохраняя определенную этнокультурную идентичность. Продвижение этой группы населения вниз по Оке позволило им появиться на Дону и, вероятно, восстановить прямые, не через администрацию Каганата, контакты с одной из своих предполагаемых прародин – Средним Поволжьем. Отсюда в Поочье в IX в. «потекли» финно-угорские вещи [Григорьев, 2000, с. 122; Прошкин, 2016]. Особое политико-экономическое значение этот контакт приобрел в X в., когда Волжская Болгария стала частью исламского мира, и через нее на Оку, в верховья Дона, на Сейм и Десну стал поступать основной поток арабского серебра.

На рубеже IX–X вв. происходит и решающий шаг в становлении лучевых колец: на основе синтеза местных волынцевских традиций и прошедших через Волжскую Булгарию мусульманско-среднеазиатских появляются одновременно несколько сформировавшихся типов пяти- и семилучевых височных колец (серег). Судя по характеру ареала, они были не племенными, а социально-статусными, и, возможно, потестарно-ранговыми индикаторами. Они концентрируются в ключевых с точки зрения путей сообщения поселениях верхнего Поочья и прилегающих территориях. Супруты на р. Упа (правый приток Оки) обеспечивают стык двух путей – в Поволжье через р. Остер (где обнаружен Железницкий клад) и в Подонье, где находился еще один крупный центр создания лучевых колец – Титчиха и город

Вантит восточных источников. Через Воротынцево на р. Зуша – одном из притоков в верховьях Оки, проходил короткий путь в Посеймье, где также много аналогичных лучевых колец. Чертово городище обеспечивало сразу два пути на запад, в верхнее Подесенье – по Жиздре и по Серене, и одновременно могло быть перевалочным пунктом на Окский путь на восток. При этом все они были прикрыты от набегов кочевников (венгров, печенегов) и отстояли достаточно далеко от центров владычества Руси.

Следует упомянуть еще один элемент, присутствующий на нескольких височных кольцах начала X в. из Супрут на притоке Оки р. Упа, из Посеймья и даже из столицы древлян Искоростеня, маркирующий один из векторов влияния северянско-вятического предгосударственного образования [Шинаков, 2017; Шинаков, Григорьев, 2017]. Вместо зубчиков на этих кольцах присутствуют изображения либо обращенных мордами друг к другу, либо идущих друг за другом животных, чаще – птиц, либо одной птицы. Зооморфные, орнитоморфные мотивы наиболее распространены у финно-угров. Ведь Волжская Булгария наложилась на автохтонное финно-угорское население,

распространив свою власть вплоть до верховьев Камы и Урала.

То, что движение данного типа колец происходило не с «византийского» юга-запада на «финно-угро-мусульманско-булгарский» северо-восток, а наоборот, подтверждают более поздние находки лучевых колец с орнитоморфными зубчиками в Искоростене, Гнездово и Маморницах в Поднестровье [Возний, 2009]. Символично, что в столице древлян Искоростене вместе с двумя пятилучевыми кольцами с изображениями птиц, явно поступившими с Оки, и синкретичного мифологического существа в духе пермского звериного стиля была найдена еще и ременная бляшка с типичным тотемом финно-угров – медведем [Звездецкий, 2006, рис. 5, 12].

Можно констатировать, что в сложении массива типов восточнославянских лучевых височных колец (серег) роменской культуры на рубеже IX–X вв. главную роль сыграл восточный импульс, прошедший через Волжскую Болгарию и обогатившийся финно-угорскими мотивами, который наложил на облик уже существовавших, меньших по размеру, трех- и пятилучевых привесок волынцевского круга, также имеющих восточные корни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аксенов, 2005 – Аксенов В. С. К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16 / Под ред. В. Петрухина и др. Иерусалим-М., 2005. С. 219–230.

Амброз, 1981 – Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья (Археология СССР) / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981.

Возний, 2009 – Возний І. Історико-культурний розвиток населення межиріччя верхнього Сирету та середнього Дністра в X–XIV ст. Ч. 2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток. Київ-Чернівці: ІА НАНУ, 2009. 568 с.

Голдина, 1985 – Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. 280 с.

Григорьев, 2000 – Григорьев А. В. Северская земля в IX – начале X века по археологическим данным / Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 2. Тула: Куликово поле, 2000. 264 с.

Григорьев, 2005 – Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула: Куликово поле, 2005. 207 с.

REFERENCES

Aksenov, 2005 – Aksenov V. S. K voprosu o sushchestvovanii pamyatnikov etnicheskikh hazar v verhnem techenii Severskogo Donca // Hazary. Evrei i slavyane. T. 16 / Pod red. V. Petruhina i dr. Ierusalim-M., 2005. S. 219–230. (in Russian)

Ambroz, 1981 – Ambroz A. K. Vostochnoevropejskie i sredneaziatskie stepi V – pervoj poloviny VIII v. // Stepri Evrazii v epohu Srednevekov'ya (Arheologiya SSSR) / Otv. red. S. A. Pletnyova. M.: Nauka, 1981. (in Russian)

Voznij, 2009 – Voznij I. Istoriko-kul'turnij rozvitok naselennya mezhirichchya verhn'ogo Siretu ta seredn'ogo Dnistra v X–XIV st. Ch. 2. Material'na, duhovna kul'tura ta social'no-istorichnij rozvitok. Kiiv-Chernivci: IA NANU, 2009. 568 s. (in Russian)

Goldina, 1985 – Goldina R. D. Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e. Irkutsk, 1985. 280 s. (in Russian)

Grigor'ev, 2000 – Grigor'ev A. V. Severskaya zemlya v IX – nachale X veka po arheologicheskim dannym / Trudy Tul'skoj arheologicheskoy ekspedicii. Vyp. 2. Tula: Kulikovo pole, 2000. 264 s. (in Russian)

Grigor'ev, 2005 – Grigor'ev A. V. Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona. Tula: Kulikovo pole, 2005. 207 s. (in Russian)

Григорьев, 2010 – Григорьев А. В. Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк, 2010. С. 219–226.

Звездецкий, 2006 – Звездецкий Б. А. Фотографии из раскопок Искоростеня (2002–2005 гг.) // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2006. С. 165–173.

Казанский, 2014 – Казанский М. М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов (Раннеславянский мир, вып. 15) / Под ред. И. О. Гавритухина, Н. В. Лопатина, А. М. Обломского. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–95.

Комар, 2007 – Комар А. В. Что такое «пастырская культура»? // Проблемы на прабългарската история и култура. 4-1. Сборник в памет на Д. И. Димитров. София, 2007. С. 35–52.

Комар, Стрельник, 2011 – Комар А. В., Стрельник М. А. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // StratumPlus. 2011. № 5. С. 143–164.

Левашева, 1967 – Левашева В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 7–54.

Могильников, 1981 – Могильников В. А. Сибирские древности VI–X вв. (Тюрки) // Степи Евразии в эпоху Средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 29–43.

Приймак, 1994 – Приймак В. В. Територіальна структура межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли VIII – поч. IX ст. Суми, 1994. 76 с.

Прошкин, 2016 – Прошкин О. Л. Чертово городище и Супруты – яркие памятники роменской культуры на Верхней Оке // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1 / Ред. А. А. Чубур, В. Н. Гурьянов. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 113–119.

Седов, 2002 – Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Знак, 2002. 624 с.

Сизов, 1895 – Сизов В. О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно т.н. московского типа // Археологические известия и заметки. № 6. М., 1895. С. 177–188.

Смирнов, 1962 – Смирнов А. П. Некоторые спорные вопросы волжских булгар // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 160–168.

Спицын, 1896 – Спицын А. А. Радимичские курганы. Вещи из раскопок П. М. Еременка в курганах

Grigor'ev, 2010 – Grigor'ev A. V. Luchevye ser'gi (visochnye kol'ca) kul'tur romenskogo kruga drevnostej // Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik. Vyp. 5. Lipeck, 2010. S. 219–226. (in Russian)

Zvezdeckij, 2006 – Zvezdeckij B. A. Fotografii iz raskopok Iskorostenya (2002–2005 gg.) // Slavyane i finno-ugry. Kontaktnye zony i vzaimodejstvie kul'tur / Otv. red. A. N. Kirpichnikov. SPb., 2006. S. 165–173. (in Russian)

Kazanskij, 2014 – Kazanskij M. M. Arheologicheskaya situaciya v Srednem Podneprov'e v VII v. // Problemy vzaimodejstviya naseleniya Vostochnoj Evropy v epohu Velikogo pereseleniya narodov (Ranneslavyanskij mir, vyp. 15) / Pod red. I. O. Gavrituhina, N. V. Lopatina, A. M. Oblomskogo. M.: IA RAN, 2014. S. 45–95. (in Russian)

Komar, 2007 – Komar A. V. Chto takoe «pastyrskaya kul'tura»? // Problemi na prab'lrskata istoriya i kultura. 4-1. Sbornik v pamet na D. I. Dimitrov. Sofiya, 2007. S. 35–52. (in Russian)

Komar, Strel'nik, 2011 – Komar A. V., Strel'nik M. A. «Repressirovannyj» klad: kompleks yuvelimyh izdelij VIII v. iz nahodki u s. Fotovizh // StratumPlus. 2011. № 5. S. 143–164. (in Russian)

Levasheva, 1967 – Levasheva V. P. Visochnye kol'ca // Oчерки по истории русской деревни X–XIII вв. Trudy GIM. Vyp. 43. M., 1967. S. 7–54. (in Russian)

Mogil'nikov, 1981 – Mogil'nikov V. A. Sibirskie drevnosti VI–X vv. (Tyurki) // Stepi Evrazii v epohu Srednevekov'ya / Otv. red. S. A. Pletneva. M.: Nauka, 1981. S. 29–43. (in Russian)

Prijmak, 1994 – Prijmak V. V. Teritorial'na struktura mezhirichchya Seredn'oi Desni i Seredn'oi Vorskli VIII – poch. IX st. Sumi, 1994. 76 s. (in Russian)

Proshkin, 2016 – Proshkin O. L. Chertovo gorodishche i Supruty – yarkie pamyatniki romenskoj kul'tury na Verhnej Oke // Russkij sbornik. Vyp. 8. T. 1 / Red. A. A. Chubur, V. N. Gur'yanov. Bryansk: RIO BGU, 2016. S. 113–119. (in Russian)

Sedov, 2002 – Sedov V. V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. M.: Znak, 2002. 624 s. (in Russian)

Sizov, 1895 – Sizov V. O proiskhozhdenii i haraktere kurgannyh visochnyh kolec i preimushchestvenno t.n. moskovskogo tipa // Arheologicheskie izvestiya i zametki. № 6. M., 1895. S. 177–188. (in Russian)

Smirnov, 1962 – Smirnov A. P. Nekotorye spornye voprosy volzhskih bulgar // Istoriko-arheologicheskij sbornik. M., 1962. S. 160–168. (in Russian)

Spicyn, 1896 – Spicyn A. A. Radimichskie kurgany. Veshchi iz raskopok P. M. Eremenka v kurganah

Новозыбковского и Суражского уездов // Записки Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1–2. Кн. 1, 1895. СПб., 1896.

Старостин, 1986 – Старостин П. Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 90–104.

Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989 – Сухобоков О. В., Вознесенская Г. А., Приймак В. В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища // Древние славяне и киевская Русь / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1989. С. 92–105.

Халиков, 1986 – Халиков А. Х. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы тысячелетия / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: КГУ, 1986. С. 73–89.

Чвырь, 1977 – Чвырь Л. А. Таджикские ювелирные украшения. М.: Наука, 1977. 144 с.

Шинаков, 1980 – Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология. 1980. № 3. С. 110–127.

Шинаков, 1995 – Шинаков Е. А. Еще раз о лучевых височных кольцах и их этнокультурной принадлежности // Гістарычныя лесы Верхняго Подняпроуя. Ч. I. Магілёў, 1995. С. 161–174.

Шинаков, 2011 – Шинаков Е. А. Клад «серег волынского типа» в Брянской области и межславянские взаимоотношения в X веке // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 147–157.

Шинаков, 2017 – Шинаков Е. А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 193–208.

Шинаков, 2018 – Шинаков Е. А. Болгарский контекст происхождения лучевых головных колец // Археологически хоризонти. Сборник в чест на 70-годишнината на доц. д-р Иван Дзамбов / Ред.: Г. Митрев, С. Попов, Б. Драганов. Пловдив: Университет Паисий Хилендарски, 2018. С. 121–147.

Шинаков, Григорьев, 2017 – Шинаков Е. А., Григорьев А. В. Об этнопотестарной «общности среднего уровня» на юго-востоке Древней Руси в X в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти В. Т. Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2017). М.: ИВИ РАН, 2017. С. 253–256.

Novozybkovskogo i Surazhskogo uezdov // Zapiski Russkogo arheologicheskogo obshchestva. T. VIII. Vyp. 1–2. Kn. 1, 1895. SPb., 1896. (in Russian)

Starostin, 1986 – Starostin P. N. Imen'kovskie mogil'niki // Kul'tury Vostochnoj Evropy I tisyacheletiya / Otv. red. G. I. Matveeva. Kujbyshev: KGU, 1986. S. 90–104. (in Russian)

Suhobokov, Voznesenskaya, Prijmak, 1989 – Suhobokov O. V., Voznesenskaya G. A., Prijmak V. V. Klad orudij truda i ukrashenij iz Bitickogo gorodishcha // Drevnie slavyane i kievskaya Rus' / Otv. red. P. P. Tolochko. Kiev: Naukova dumka, 1989. S. 92–105. (in Russian)

Halikov, 1986 – Halikov A. H. Ob etnokul'turnoj situacii v Srednem Povolzh'e i Priural'e v I tisyacheletii n.e. // Kul'tury Vostochnoj Evropy tisyacheletiya / Otv. red. G. I. Matveeva. Kujbyshev: KGU, 1986. S. 73–89. (in Russian)

Chvyr', 1977 – Chvyr' L. A. Tadzhijskie yuvelirnye ukrasheniya. M.: Nauka, 1977. 144 s. (in Russian)

Shinakov, 1980 – Shinakov E. A. Klassifikaciya i kul'turnaya atribuciya lucheovyh visochnyh kolec // Sovetskaya arheologiya. 1980. № 3. S. 110–127. (in Russian)

Shinakov, 1995 – Shinakov E. A. Eshche raz o lucheovyh visochnyh kol'cah i ih etnokul'turnoj prinaldzhnosti // Gistarychnyya lecy Verhnyago Podnyaprouya. CH. I. Magilyou, 1995. S. 161–174. (in Russian)

Shinakov, 2011 – Shinakov E. A. Klad «sereg volynskogo tipa» v Bryanskoj oblasti i mezhslovjanskije vzaimootnosheniya v X veke // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2. S. 147–157. (in Russian)

Shinakov, 2017 – Shinakov E. A. Eshche raz ob «al'ternativnom» vostochnoslavjanskom predgosudarstvennom obrazovanii X v. (po dannym arheologii i numizmatiki) // Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik. Vyp. 8. / Otv. red. A. N. Bessudnov. Lipeck: LGPU im. P. P. Semeno-va-Tyan-Shanskogo, 2017. S. 193–208. (in Russian)

Shinakov, 2018 – Shinakov E. A. Bolgarskij kontekst proiskhozhdeniya lucheovyh golovnyh kolec // Arheologicheski horizonti. Sbornik v chest na 70-godishninata na doc. d-r Ivan Dzhambov / Red.: G. Mitrev, S. Popov, B. Draganov. Plovdiv: Universitet Paisij Hilendarski, 2018. S. 121–147. (in Russian)

Shinakov, Grigor'ev, 2017 – Shinakov E. A., Grigor'ev A. V. Ob etnotestarnoj «obshchnosti srednego urovnya» na yugo-vostoke Drevnej Rusi v X v. // Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e. Antichnye i srednevekovye obshchnosti. XXIX Chteniya pamyati V. T. Pashuto (Moskva, 19–21 aprelya 2017). M.: IVI RAN, 2017. S. 253–256. (in Russian)

Шинаков, Чубур, 2017 – Шинаков Е. А., Чубур А. А. Меж Моравией и Мавераннахром: вновь о происхождении лучевых височных колец и гетерогенности русской культуры // Модернизация культуры: от человека традиции к креативному субъекту. Материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 2017 г.: в 2 ч. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. Самара, 2017. Ч. I. С. 51–58.

Шинаков, Чубур, 2018 – Шинаков Е. А., Чубур А. А. Волынцевские древности Брянского Подесенья и их место в историческом контексте VIII – IX веков на юге Восточной Европы // Старожитності Лівобережжя Дніпра = Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: збірник наукових праць / Ред. І. І. Корост, О. Б. Супруненко. Київ-Котельва: ЦП НАН України і УТОПІК, 2018. С. 183–199.

Шпилев, 2009 – Шпилев А. Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII в. – первая половина IX в.) // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула: Куликово поле, 2009. С. 5–33.

Щеглова, 1987 – Щеглова О. А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: ВГУ, 1987. С. 77–85.

Щеглова, 1988 – Щеглова О. А. Фативижский клад как основание для датировки памятников волынцевского типа // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (26–28 сентября 1988 г.). Тезисы докладов / Отв. ред. В. П. Коваленко. Чернигов, 1988. С. 101–103.

Щеглова, 1990 – Щеглова О. А. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / Под ред. Р. В. Терпеловского. Курск, 1990. С. 162–204.

Щеглова, Обломский, Гавритухин, 1996 – Щеглова О. А., Обломский А. М., Гавритухин И. О. Памятники волынцевского типа, их специфика и генезис // Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст (Раннеславянский мир, № 3). М., 1996. С. 130–136.

Shinakov, Chubur, 2017 – Shinakov E. A., Chubur A. A. Mez h Moraviej i Maverannahrom: vnov' o proiskhozhdenii luchevyh visochnyh kolec i geterogennosti russkoj kul'tury // Modernizaciya kul'tury: ot cheloveka tradicii k kreativnomu sub'ektu. Materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Samara, 2017 g.: v 2 ch. / pod red. S. V. Solov'evoj, V. I. Ionesova, L. M. Artamonovoj. Samara, 2017. CH. I. S. 51–58. (in Russian)

Shinakov, Chubur, 2018 – Shinakov E. A., Chubur A. A. Volyncevskie drevnosti Bryanskogo Podesen'ya i ih mesto v istoricheskom kontekste VIII–IX vekov na yuge Vostochnoj Evropy // Starozhitnosti Livoberezhzhya Dnipra = Antiquities of the Dnieper Left Bank Region: zbirnik naukovih prac' / Red. I. I. Korost, O. B. Suprunenko. Kiiv-Kotel'va: CP NAN Ukraïni i UTOPIK, 2018. S. 183–199. (in Russian)

Shpilev, 2009 – Shpilev A. G. Visochnye kol'ca Kurskogo kraja (2-ya polovina VIII v. – pervaya polovina IX v.) // Verhnee Podon'e: Arheologiya. Istoriya. Tula: Kulikovo pole, 2009. S. 5–33. (in Russian)

Shcheglova, 1987 – Shcheglova O. A. Saltovskie veshchi na pamyatnikah volyncevsckogo tipa // Arheologicheskie pamyatniki epohi zheleza vostochnoevropesckoj lesostepi / Otv. red. A. D. Pryahin. Voronezh: VGU, 1987. S. 77–85. (in Russian)

Shcheglova, 1988 – Shcheglova O. A. Fativizhskij klad kak osnovanie dlya datirovki pamyatnikov volyncevsckogo tipa // Istoriko-arheologichesckij seminar «Chernigov i ego okruga v IX–XIII vv.» (26–28 sentyabrya 1988 g.). Tezisy dokladov / Otv. red. V. P. Kovalenko. Chernigov, 1988. S. 101–103. (in Russian)

Shcheglova, 1990 – Shcheglova O. A. O dvuh gruppah kladov «drevnostej antov» v Srednem Podneprov'e // Materialy i issledovaniya po arheologii Dneprovskogo Levoberezh'ya / Pod red. R. V. Terpelovskogo. Kursk, 1990. S. 162–204. (in Russian)

Shcheglova, Oblomskij, Gavrituhin, 1996 – Shcheglova O. A., Oblomskij A. M., Gavrituhin I. O. Pamyatniki volyncevsckogo tipa, ih specifika i genezis // Gaponovskij klad i ego kul'turno-istorichesckij kontekst (Ranneslavjanskij mir, № 3). M., 1996. S. 130–136. (in Russian)

E. A. Shinakov, A. A. Chubur

URAL-VOLGA CONTEXT OF THE GENESIS OF RADIAL TEMPORAL RINGS

The article discusses the origin of the elements of the radial temporal rings (earrings), spread in several tribal unions of the Eastern Slavs, in the Ural-Volga region. The genesis of the Volintsev stratum of antiquities in the upper Dnieper, Poseimye and upper Poochye, including the early forms of the radial temporal rings, can be associated

with the Imenkovo and Kushnarenkovo cultures of the Ural-Volga region. Volintsevsky antiquities are replaced by pastoral ones, not being genetically related to them and not coexisting. The authors suggest that there was a rapid change in the paramilitary ethnic stratum, exercising control over the local Slavic population on behalf of the Khazar Khaganate. After breaking up with the Kaganate, this group of people is moving to the Oka, where it is restoring a direct connection with the Middle Volga – its ancestral home. This is marked by a new cultural impulse that, on the one hand, led to the formation of complete forms of radial temporal rings, and, on the other hand, the appearance of Finno-Ugric ornithomorphic elements on some types of radial temporal rings.

Keywords: radial temporal rings, genesis, Volintsevskaya culture, Imenkovsky culture, Romenskaya culture, Khazars, Bulgars, early Middle Ages.

Шинаков Евгений Александрович,

доктор исторических наук, профессор, директор
научно-образовательного
Центра Этнолого-археологических исследований,
Брянский государственный университет им.
академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)
shinakov@mail.ru

Shinakov Evgeny Alexandrovich,

Doctor of Sciences (History), Professor, Director of
Scientific and Educational
Center for Ethnological and Archaeological Research,
Bryansk State University named after academician
I. G. Petrovsky
(Bryansk, Russia)
shinakov@mail.ru

Чубур Артур Артурович,

кандидат исторических наук, директор научно-
исследовательского
Центра комплексного изучения Среднедеснинского
региона,
Брянский государственный университет им.
академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)
fennecfox66@gmail.com

Chubur Artur Arturovich,

Candidate of Sciences (History), Director of Research
Center for the comprehensive study of the Middle-
Desna region,
Bryansk State University named after academician
I. G. Petrovsky
(Bryansk, Russia)
fennecfox66@gmail.com